

Екатерина Казакова

Екатерина Казакова

Избранная
по контракту

Роман

Москва, 2011
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К14

Художники
О. и Е. Юдины

Казакова Е. В.

К14 Избранная по контракту: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 378 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1013-2

Она не носит белых рубашек и кожаных штанов. Она не умеет рубиться на мечах и гарцевать на лошади. Она не употребляет в речи иномирные ругательства, зато виртуозно выражается на «великом и могучем». В ее родне не отметились демоны, маги и эльфы, и поэтому она не имеет никакой магической силы и волшебных амулетов, зато она умеет находить выход там, где его нет. Ей совсем не семнадцать лет, и ей чужды моральные терзания на тему «дать или не дать подержать себя за руку», а ее здоровый цинизм ставит в тупик всех окружающих. Ее преданный друг совершенно не похож на монструозного коня, зато он может заработать денег из воздуха... Она всего лишь редактор издательства, которой «повезло» заключить контракт с подозрительными личностями и стать Избранной в мире, совершенно далеком от фэнтезийных канонов. А ее напарник — такса, готовая продать родину за вареную колбасу. На пару им придется спасти мир от Темного Лорда и наказать умников, отправивших их на гладиаторские бои без правил.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1013-2

© Казакова Е. В., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Моим френдам с СИ: Ашвиной, Анне Джейн, Селении Аквитанской и Троллю Подстрочному посвящается. Если бы не они, этой книги не было бы.

ОТ АВТОРА

Мой ответ всем Мери-Сью Гэндальфовнам Редным.

В романе нет: патетических речей, торжественных клятв наказать обидчика и описаний массовых сражений с нечистью. Героиня не обладает никакой волшебной силой, не носит белых рубашек и не умеет гарцевать на лошадях. Ее «облико морале» оставляет желать лучшего, но зато она и ее друг могут довести до нервного срыва любого и даже спасти мир. Если, конечно, у вас есть деньги, чтобы оплатить их услуги по его спасению. А классические герои фэнтези во-все не такие, какими их принято описывать.

Глава первая

«Боже, сколько же тут их?! — лихорадочно думала Мария, прижимая к своей затянутой в кожаный корсет груди амулет. На нее, утробно урча, надвигался рой зомби, подкрепленный конницей вурдалаков. — Что же делать, что же делать?» — лихорадочно думала отважная воительница.

Поняв, что еще минута — и воинство воинственной нежити растерзает ее на части, она резко выкинула вперед руку. Зомби, поджав хвосты, отступили...»

Я с отвращением оторвалась от монитора и взвыла, как мартовский кот, обожравшийся валерьянки:

— Как тебе, сэр Сосискин, повествованьице, а? — Моя негодующая персона обратилась к похрапывавшей на кровати таксе. — Какой оригинальный ход: «конница вурдалаков и рой зомби». Какое нестандартное решение — «воинствующее воинство»! С каких это пор зомби мало того что стали хвостатыми, так еще и начали роиться, вурдалаки заделались лихими кавалеристами, а слова можно повторять через строчку?! Нет, что это за зомби, которые пугаются брошенных в них чьих-то рук?! Ну и как мне прикажете этот бред редактировать и приводить в удобоваримый вид?

Отягощенный филологическим образованием мозг продолжал патетически восклицать в пустоту, а Сосискин, не открывая глаз, лениво тявкнул.

На самом деле этого не в меру упитанного такса зовут Шерри-Матадор, но благодаря неумной страсти к поеданию всяческих колбасных изделий его имя помнили только мои родители. Когда мы с ними покупали щенка в жутко элитном питомнике, заводчик три часа вдохновенно вещала нам о его славных предках-охотниках, родне — чемпио-

нах всех выставок в ужасающе длинном роду, попутно расписывая прелести хождения на норы со своей таксой. Подавленные сведениями о депрессиях, наступающих собаку, лишенную возможности потаскать дикого зверя за хвост, мы клятвенно пообещали воспитать из Шерри-Матадора достойного охотника. Но, как говорится, на детях гениев природа отдыхает. Наш пес оказался совершенно не приспособленным к военно-спортивной забаве «Вытащи лису из норы». Когда он в первый и единственный раз в своей жизни побывал на норах и увидел облезлую Патрикеевну, в глазах которой навечно застыл вопрос: «Господи, и когда я только схохну?!» — то банально забыл, что кобели писают, поднимая заднюю лапку, и оконфузился перед всеми своими братьями. Дабы не травмировать пса и не выставить его в неприглядном свете перед многочисленными зрителями, вопрос об охоте не поднимался, а чтобы собака не впала в депрессию, вся семья кинулась ее подкармливать вкусностями. С тех пор, единственной норой, в которую доблестный поедатель колбасы мог протиснуться не застряв, стал подземный переход. Данное заводчиком звучное имя плавно сменилось на Сосискин. Впрочем, наш пес отзывался и на Фрикаделькина, и на Колбаскина, и на любое другое — главное, чтобы оно было связано с едой.

Устало потерев глаза, я встала из-за стола и пошлепала на балкон покурить. Навстречу, отражаясь в окне, шла всклокоченная девица. Высокая, со спортивной фигурой, с рваной стрижкой окрашенных во все цвета радуги волос. На ее правом плече угрожающе скалилась татушка в виде дракона, в ушах сияли многочисленные сережки. К губе этого ночного кошмара прилипла незажженная сигарета, а в глазах, подведенных черным карандашом, угадывался маниакальный блеск. Одежду этого ужаса гламурной блондинки составляла рваная майка с черепом в бандане и вылинявшие джинсовые шорты. Одним словом, серийная маньячка вышла на перекур после очередной кровавой бани. Для полноты образа не хватало только хоккейной маски, рук по локоть в крови и бензопилы за спиной.

«Дожили, Дарья Петровна, сами своего отражения стали пугаться», — ехидно прокомментировал мозг.

«М-дя, это ж надо было так заработать, чтоб самой себя испугаться», — уныло согласилась я.

Выйдя на балкон, я прикурила сигарету и с удовольствием затаилась. Организм привычно насыщался никотином, а мысли поплыли в направлении жалоб на судьбу-злодейку. Нет, не в моем характере жаловаться и стенать, но расстилающаяся за балконом ночь навевала пессимистические мысли. Вместо того чтобы вкушать прелести жизни на курорте или, на худой конец, почитать тяжелым сном дачника, умявшегося на поливе огурцов, мне приходится ночью в пятницу работать, результат моего умственного труда должен лежать в первый рабочий день к девяти утра на столе у страдающего понедельничным похмельем начальника. А у меня, как назло, еще конь не валялся, вернее, он как споткнулся в самом начале, так и не думал подниматься.

И угораздило же меня пойти работать редактором в издательство, специализирующееся исключительно на выпуске этого самого фэнтези. В голову непрошено полезли воспоминания о причинах, побудивших меня встать на эту стезю. В семь лет, прочитав книгу про путешествие хоббита, я навсегда влюбилась в фэнтези. С возрастом моя любовь только крепла. Читая очередную книжку, я в мыслях вместе с эльфами бесшумно скользила по зеленым лесам, порхала над лепестками роз с крошками-феями, восхищено ахала над сокровищами гномов, бесстрашно шла в бой против черных колдунов и мечтала когда-нибудь оказаться в сказочном мире. Родители и знакомые умилялись на скромную, чуть полноватую девочку с косичками, проводящую все свободное время за книжкой. Ребенок рос, не доставляя никому никаких хлопот. Даже переходный возраст, которым психологи любят пугать родителей, прошел как-то мимо меня. Я не ходила на дискотеки, не гуляла по улицам с мальчиками из неблагополучных семей, не портила волосы химией и перекисью водорода, не закатывала родителям истерики на тему приобретения модных вещей с Черкизовского рынка. Я вообще ничего не замечала, кроме постоянно повышающихся цен на столь любимую мной литературу.

Возможно, такая жизнь в розовых очках продолжалась бы и по сей день, но на пятнадцатом году существования

случилось то, что обычно случается с девочками моего возраста: я влюбилась. Родители с ужасом смотрели на объект моих вздыханий, но я со всем юношеским максимализмом отказывалась понимать, что он совершенно далек от нарисованного мной идеала. Идеал учился на слесаря, изъяснялся исключительно посредством великого могучего русского, слушал «Сектор Газа» и из всей литературы читал журнал «Спид-инфо» в ванной. Прозрение наступило где-то через полгода, когда я случайно подслушала, как несостоявшийся принц делится со своими прыщавыми друзьями планами по совращению «пухлой тушки» в ближайшие выходные, а в качестве доказательства обещает представить фотографии. Я стояла и слушала, как он глумится над моими косичками, платьицами, добрым чувством юмора, неумением хамить, давать отпор и восторженно-наивным увлечением фэнтези.

Прорыдав всю ночь, утро я встретила совершенно другим человеком. Волосы были острижены в ближайшей парикмахерской, там же заодно были проколоты уши, платья и кофточки отнесены на помойку, а предки наконец-то получили первую полноценную истерику на тему: «Мне нечего носить». Чувство юмора резко стало черным, ну а мой до недавних пор легкий характер навсегда стал цинично-тяжелым. Мою персону все реже можно было застать читающей очередную сказку, потому как все свободное время я стала проводить в спортзале, сгоняя детский жирок. Со временем полноту заменила мускулатура, прическа раз от разу становилась все более короткой и вызывающей, а количество дырок в ушах увеличивалось в геометрической прогрессии. Примерно через полтора года я встретила своего бывшего ухажера и в ответ на его сальную шуточку прилюдно опустила его перед всеми друзьями и висящей на нем, как сопля, девицей. Помню, что он даже попытался на меня замахнуться, но мастерски проведенный хук правой выбил из него эту глупую мысль. Еще спустя пару-тройку лет на плече и спине у меня расцвели татуировки, и я навсегда забыла, как носить юбки и ходить на каблуках. Родители только удрученно вздыхали, наблюдая за моим преображением. Единственное, что осталось у меня на тот момент неизменным —

это хорошие оценки и любовь к фэнтези, теперь тщательно скрываемая ото всех под маской циничной девицы. Когда передо мной встал выбор, куда поступать, я расчетливо отдала свои документы в престижный вуз на факультет филологии с прицелом в дальнейшем работать там, где печатается это самое фэнтези, дабы больше не тратить время на метания за новинками и деньги, которые можно потратить на очередную покраску волос или фенечку.

Еще учась в институте, я устроилась на работу в редакцию издательства, регулярно радующего читателей сказками для взрослых. Примерно через полгода моя любовь к фэнтези скончалась в корчах. Если бы я только знала, какое количество графоманов всех возрастов и профессий возмнило себя новыми Толкиенами и Желязны, нога бы моя не ступила на эти галеры. Найти по-настоящему захватывающую и не банальную историю, было сродни чуду типа того, как обнаружить в небезызвестном всем месте алмазы. Авторы не баловали читателей разнообразием. Литераторы женского пола отправляли главную героиню в какой-нибудь параллельно-фантастический мир либо после аварии, либо после грандиозной пьянки по поводу сдачи сессии. Там, в дремуче-средневеково-фэнтезийном мире, она тут же обрастала стальными мускулами и накачивалась по самые уши магической силой. Добрый дедушка-волшебник с лукавыми морщинками возле глаз, повесив амулет ей на шею, пинком под зад отправлял киборг-девицу спасать абсолютно чуждый ей мир. Вот почему-то до ее явления спасти этот мир, населенный сплошными чародеями, было абсолютно некому. Чтобы странница не скучала по дороге к главному злодею, в нагрузку ей давались лузеры разных рас с кучей комплексов и жадной справедливости. Героине, шастающей по городам и весям, судорожно стискивая поводья норовистой клячи или натирая в кровь ноги, в качестве бонуса полагался жених. Жених, как правило, был эльф с вселенской печалью во взоре. Иногда изощренная фантазия авторши осчастлививала попаданку раскаявшимся демоном или бывшим черным колдуном, резко вставшим на путь исправления. По ходу повествования дитя двадцать первого века в совершенстве постигало науку боя на мечях, хотя в

своем родном мире с трудом владело иголкой. В финале эта суперпупермега-Годзилла Гэндальфовна Редная одной левой убивала умученного жизнью Темного властелина и счастливо галопировала под венец. Родной мир, родители, теплый туалет, распродажи и журнал «Космо» беспощадно вычеркивались из памяти, хотя вроде как за победу над злом добрый дедушка с экстрасенсорными способностями обещал вернуть ее в родные пенаты.

Злоключения героини щедро разбавлялись описанием ночевки под луной, победоносной войной с нежитью и моральными терзаниями на тему: «А возможна ли с эльфом половая жизнь и как посмотрит мама на то, что у ее внуков будут острые ушки?» Судьба эфемерного мира меня не волновала, но из врожденного любопытства я раз попробовала переночевать без постельных принадлежностей. Мысль тащиться в лес кормить комаров даже не рассматривалась, поэтому я максимально приблизила походные условия у себя в комнате. Камешки, комочки и неровности земли мне заменил палас. Вместо седла под голову была положена стопка книг. В качестве плаща из знаменитой эльфийской непромокаемой и непродуваемой ткани выступил теплый плед. То ли палас не был таким мягким, как мать сыра земля, то ли плед из верблюжьей шерсти был слабой заменой плащу, а может, мне не хватало треска костра и бьющихся за охранным кругом монстров, но через двадцать минут, кряхтя, как старая бабка, и потирая отлежанные бока, я уже вытягивалась на своей кровати.

Больше всего меня веселило то, что в подавляющем большинстве случаев героиня шла спасать мир, надев обтягивающие кожаные штаны, белую рубашку на манер пиратской, всенепременно черный корсет и высокие сапоги. Кто хоть раз в жизни имел глупость в жару упаковать себя в кожаные штаны, тот, думаю, поймет причину моего веселья. А вид женщины, которая идет в поход, надев белую рубашку и парадно-выходные ботфорты, вызвал бы гомерический хохот у всех, кто увидел бы эту больную на голову. Но авторы почему-то считали иначе и бросали в бой за читателя очередную мамзельку в бредовом, с точки зрения нормального человека, наряде.

Писатели-мужчины с садистским удовольствием выпивали во враждебную среду студента, бывшего десантника, ботаника-недотепу, рафинированного интеллигента, системного администратора (нужное подчеркнуть). У него, как правило, обнаруживались в предках драконы, друу, демоны, ну или незаконный папашка в виде мага. Под влиянием обстоятельств у бывшего неудачника моментально просыпалась генетическая память, до сего момента благополучно усыпленная потреблением алкоголя. Новоявленный герой одним движением бровей избавлялся от пивного брюшка, душил в корне комплекс неполноценности, безжалостно расправлялся с подростковыми прыщами, учился бриться топором, становился сенсеем всех ниндзя, покруче Ильи Муромца рубился двуручником и лихо гарцевал на коне. И все это он проделывал буквально за пару страниц. А дальше шло повествование о его сто одном подвиге и эпохальном, на четверть книги, сражении с главным злодеем. Стоит ли говорить, что его тоже отправляли спасать мир посредством розыска пропавшего на заре времен артефакта и его компаньонами в этом мероприятии становился пройдоха-оборотень или недоучившийся маг. Без того тернистый путь к спасению мира затруднялся истеричной принцессой, сбежавшей из отчего дома в поисках приключений на царственную задницу. По закону жанра наградой герою за спасение мира становилась резко поумневшая пресловутая беглянка. Тут в качестве бонуса можно было рассматривать то, что отец-король был, как правило, вдов и довесок в виде стервы тещи отсутствовал как класс.

Почти во всех книгах присутствовали сладкоголосые эльфы с непроизносимыми именами, тупые тролли с неизменной палицей, косноязычные гномы с всенепременно заплетенными в косичку бородами, вонючие гоблины, кровожадные орки, малая популяция оборотней, светолюбивые вампиры, неправильные демоны, загадочные друу, мудрые драконы, озлобленный Темный властелин ну и, конечно, боги, втавившие героев в этот квест.

Поначалу я сокрушалась, почему все эльфы обязательно должны быть воплощением мудрости, красоты и эталоном по вокальным данным, а гномы всегда угрюмые, пивососу-

щие, агрессивные, косноязычные коротышки? Почему если тролль, то обязательно тупой? Если дроу или черный маг, то в причинах его поведения всегда кроется подростковый комплекс? Если ты бог, то твой удел — смертная скука и козни несчастным смертным? Со временем я перестала терзаться такими вопросами, переведя их в разряд риторических, и с тупостью автомата ловила блох и убирала совсем откровенные роили в нетленках.

Я давно докурила и бездумно смотрела на ночной двор. Работать категорически не хотелось. Организм настойчиво советовал вытеснить воспоминания об отрочестве мыслями об отдыхе. Душа настраивалась на лирический лад, связанный с уютной кроваткой. Я уже практически решила бросить к чертовой матери прочтение бреда про Марию, как вдруг тишину спящего двора взорвало...

«Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня и моего коня!» — выводило вокальное трио из представителей мужского пола разной степени опьянения.

— Вот очень актуально в середине июля в задыхающейся от жары Москве услышать песню всех времен и народов. И откуда только силы берутся так горланить в четыре часа утра? — злобно пробурчала я про себя. Лирический лад был сбит, и мне пришлось возвращаться за работу.

«Ну-с, приступим...» — Мое злобство потеряло ручки и вперило взгляд в монитор.

На экране шло сражение. Все та же отважная героиня с небанальным именем Мария одним взмахом ресниц тысячами косила армию зомби с вкраплениями вурдулаков и всяких прочих кровососов.

«Syprastiniys tavegilius klaritiniys!» — на одном дыхании выкрикнула Мария. На миг на землю обрушилась оглушающая тишина, чтобы через секунду взорваться вспышкой световой ракеты».

«Ничего себе Машка их приложила-то», — присвистнул на заднем плане мой цинизм.

Что-то безумно неправильное было в написанных на исковерканной латыни словах. Я прочла их еще раз и свалилась со стула от дикого хохота. Сосискин испугано залаял, не понимая причины истеричного веселья. Я смеялась и не

могла остановиться. Причиной ржача стали расшифрованные слова заклинания, произнесенного бравой Марией. Видимо, от автора ушла муза, устав терпеть его издевательства, и бедолаге ничего не оставалось делать, как использовать в качестве заклинания названия лекарств от аллергии. Работать, по понятным причинам, я уже больше не могла и поэтому с чистой совестью отправилась в ванную чистить зубы. Через несколько минут я уже лежала в постели и давала себе установку проснуться завтра не раньше полудня.

Глава вторая

Мне снилось, что, открыв балконную дверь, в мою девичью спальню шагнул Верховный мачо всех Аполлонов. Всякие там Джонни Деппы, Брэды Питты и субтильное нечто, играющее вампира в новомодной саге о кровососущих, нервно курили в сторонке. То, что я спала, не вызывало никаких сомнений. Потому как в природе не существует таких мужиков, представитель которых только что шагнул в мою комнату. Откуда он мог взяться в панельном доме одного из спальных районов, да еще и на последнем этаже? Такие, как он, водятся в мире богатых дяденек, холеных тетенок и на просторах совершенно других стран. Нет, если бы сейчас ко мне ввалился накачанный под завязку дешевым пивом сантехник, я бы сразу поверила, что это все происходит наяву, но шагнувший красавчик никак не тянул на пролетария в спецовке — следовательно, это мог быть только сон. Описывать его не буду, просто поверьте на слово — это была ожившая мечта всех нормально ориентированных женщин в возрасте от восьми до восьмидесяти и ненормально ориентированных мужчинок. Больше всего меня в нем поразили густые, черные, отливающие в синеву волосы и нереально синие глаза, в которых мелкие бесенята весело отплясывали джигу и задорно помахивали хвостами. В общем красота была настолько совершенна, что мне немедленно захотелось съесть лимон, чтобы отбить сладкий привкус во рту.

Чтобы не залить все одеяло слюнями и заодно обезопасить себя от раздробления коленки отпавшей челюстью, я

резко села на кровати и подтянула ноги к подбородку. Мачо сделал еще один шаг и заплетающимся языком сказал:

— Привет, я пришел за тобой.

«Пьяный придурок, зарабатывающий на жизнь промышленным альпинизмом», — голосом Василия Уткина ехидно прокомментировала его заявление позевывающая логика.

«Угу, а где же тогда принадлежности для мойки окон?» — не менее ехидно отозвалась я.

«Ну, может, потерял по дороге к вершинам нашей многоэтажки», — выдвинул неожиданную гипотезу настырный внутренний собеседник.

«И вообще хватит привередничать даже во сне! К тебе такой мужик направляется, а вместо того, чтобы попытаться его обаять, ты все раздумываешь, как он попал к тебе в комнату», — подал голос мозг.

«Не иначе как на осле педальном слевитировал», — продолжала яростно огрызаться я.

Тем временем алкаш, дыша свежим перегаром, продолжал продвигаться по направлению к нашему с Сосискиным ложу. Насчет ложа я, конечно, соврала, спали мы на обычном диване-раскладушке, но во сне-то даже койко-место должно быть эстетически прекрасным. Видимо, запах перегара наконец-то достиг носа пса, и Сосискин начал ворочаться. Скосив глаза, я обратила внимание, что вместо того чтобы лаять, охотник за собачьим кормом смотрит на приближающегося товарища, выпучив глаза, и все больше и больше начинает походить на мопса. Вы когда-нибудь видели пучеглазых такс? Нет? Я тоже до сего момента, и уж поверьте, увидеть такое второй раз мне явно не захочется.

Что-то было неправильным в этом сне. То ли запах перегара, то ли странное поведение пса... Но все происходившее уже мало напоминало мне грезы. Достигнув меня, этот ходячий феромон, ласково улыбаясь, протянул мне свою правую руку со странной печаткой на среднем пальце. Печатка представляла собой миниатюрную шахматную доску с микроскопическими фигурками. Я обожала всякие нестандартные украшалки, и, естественно, такая вещь не могла пройти

мимо моего внимания. Совершенно не думая о том, какое впечатление произвожу, я брякнула:

— Дашь цацку поносить?

«Ой дура... К тебе такой перец руки тянет, а ты думаешь, как у него выцыганить какую-то дешевую бижутерию, явно произведенную на какой-то подпольной фабрике руками китайских слепых и по эскизам вусмерть накурившегося опиума члена триады», — заголосила доля моя незамужняя.

От ее воплей я наконец-то очнулась, оторвалась от созерцания диковинки на пальце этого типа и подняла на него глаза. Сказать, что мужчина был ошарашен, — это ничего не сказать. Даже бесенята растерянно таращились на меня из его широко распахнутых глаз. Решив воспользоваться замешательством, я стала дожимать клиента:

— Ну дай поносить! Тебе что, жалко, что ли? — И, закрепляя успех, начала канючить: — Ворвался к слабой, беззащитной девушке, похитил ее честь девичью, надругался над ее беззащитным питомцем и теперь не хочешь в качестве компенсации морального вреда дать поносить совершенно тебе не подходящее колечко!

Эх, дожимать, так дожимать. Зря я, что ль, за компанию с подружкой прошла тренинг по курсу «Тысяча и один способ заставить человека купить абсолютно ненужную вещь». Очень кстати пришлось и знания, почерпнутые из книги «Искусство ведения допроса».

— Или давай печатку поносить, или тебе придется на мне жениться! — рывкнула я ошалевшему от всего происходящего визитеру.

«Мать, не переборщи! Напугаешь мужика и он впадет в агрессию. А оно тебе надо?» — заистерило чутье на неприятности.

«Молчи, убогое, дай во сне с мужика хоть что-то кроме его рассказов о стерве жене поиметь!» — заорала моя жадность.

Видимо, я это произнесла вслух, потому как поздний гость улыбнулся и сказал:

— Ты уж определись, сон это или не сон, — и протянул мне снятое с руки кольцо.

Я моментально сграбастала в свои ручонки вождеден-

ную вещицу и, нацепив ее на указательный палец, начала приговаривать, как Горлум:

— Моя прэлессть, наконец-то мы вместе, никому тебя не отдам.

Примерно через десять минут, устав от лицемерия своего перста, я вопросительно уставилась на все еще находившегося в моей комнате субъекта. В принципе он мне уже стал почти родным и за возможность поносить такую фе-нечку я готова была его еще немножко потерпеть.

— Теперь, когда столь милая твоему сердцу безделушка у тебя в руках, может быть, ты соизволишь пойти со мной? — абсолютно трезвым голосом проговорил лишенец побрякушки.

«Точно сон, моментально трезветь не удавалось еще никому», — констатировал мозг.

Сон не сон, а вот идти куда-то с Мистером Совершенство мне совершенно не хотелось. Дело было не в лени или страхе. Причина была более чем прозаическая: просто я предпочитала спать в мужских боксерах и старых футболках. Вот и сейчас на мне ниже талии красовались труселя со скелетами, воспроизводящими картинку из Камасутры, а верхнюю часть тела прикрывала рваная линялая майка с портретом Равшана и жизнеутверждающей надписью: «Начальнике — гамно». Согласитесь, на эротическое белье мой спальный комплект ну никак не тянул, и провоцировать психологическую импотенцию мне совершенно не хотелось.

— Э-э-э-э, мужчина, давайте вы первый, а я вас догону, — со слезой во взоре протянула моя стыдливость.

— Ну что вы, прекрасная невинная дева, показывать девушке тылы, да еще после того, как я над ней надругался, не в моих правилах, — усмехнулся денди.

— Ну, мне надо голову начесать, носик припудрить, надеть бальное платье, достать фамильные бриллианты. Не могу же я вот прям так, со сна, отправляться в путешествие с прекрасным принцем. — Я решила твердо стоять на своем.

«Выдавай блондинку!» — скандировал мозг.

«И намекни о карете!» — поддержала его лень.

— Полноте вам, какие могут быть церемонии практиче-

ски между мужем и женой? — видя мои колебания, настаивал товарищ с балкона.

Я решила пойти ва-банк. Напустив на себя покаянный вид, голосом девочки-отличницы загнусавила:

— Понимаете, я не могу оставить своего престарелого любимца одного, он слишком стар и болен и, боюсь, не выдержит всех тягот пути.

Сосискин протестующее тыпнул меня за руку: уж на кого-кого, а на ветерана собачьего эротического фронта этот трехлетний низкорослый колобок ну никак не тянул, потому как, несмотря на свою упитанность, весьма лихо носился по двору за кошками и заигрывал со всеми проходящими дамочками собачьего племени.

— А мы возьмем его с собой, — припечатал настырный дядя.

Отмазок больше не было, и я с независимым видом откинула одеяло. Почти что муж меня поразил: я-то думала, он, как минимум, впадет в ступор от моего пижамного ансамбля, но он всего лишь невозмутимо хмыкнул. В конце обозлившись, я схватила Сосискина, впихнула в руки мачо и почапала с независимым видом по направлению к входной двери.

— Нам не туда, — поудобнее перехватывая ужас ветеринара, сказал гость и кивнул по направлению к балкону.

«Доигралась, сейчас тебя за твой поганый язык будут выкидывать с шестнадцатого этажа», — тяжело вздохнула жажда жизни.

«Где наша не пропадала!» — рявкнула гордость.

Ая, повыше натянув боксеры, печатая шаг, как на плацу, отдернув штору, вывалилась на балкон и застыла в изумлении. Вместо привычного филиала склада забытых вещей со старым холодильником, сломанными лыжами, чахлой геранью и прочей рухлядью, передо мной клубились облака.

«Мля, вот так, наверное, выглядят райские кущи», — восторженно пискнуло чувство прекрасного.

Я стала озираться в поисках амурчиков, купидончиков, ангелочков и прочих жителей подобных мест. Сзади послышались какие-то звуки, в которых я узнала недовольное сопение Сосискина.

«Тяжело кобелю будет, если мы надолго здесь застрянем», — протянула моя совесть.

— Гринписа на тебя нет! — возмущено заорала ему и повернулась к идущему следом мачо.

Он залиvisto хохотал, глядя то на пылающую негодованием меня, то на несчастного пса, который отчаянно хотел пометить новую территорию, но не мог по причине отсутствия в обозримом пространстве кустиков, деревьев и столбиков.

— До чего же ты забавная, Дарья. Пойдем, нас действительно заждались, — уведомил меня этот мучитель юных дев и животных.

Уверено сцапав меня за локоток, свистнув Сосискину, он наподобие адмиральского крейсера шагнул в ближайшее облако.

«Он сказал: «Поехали!» Он взмахнул рукой!» — зашелся в предсмертном крике мой полностью отсутствующий музыкальный слух.

Пролетев буквально пару секунд, наша троица рухнула на лужайку перед беседкой в каком-то экзотическом саду.

«Картина художника, не помню как его там, «Не ждали», — выдал очередную сентенцию мозг.

Я же пристально рассматривала еще двух представителей погибели женского рода, вольготно развалившихся за столом в беседке и попивавших из запотевшего графинчика что-то, подозрительно напоминающее водку. И тут меня разобрала злость. Какой-то хмырь, пусть даже и во сне, утащил меня и мою практически диванную собачку для того, чтобы я развлекала трех нажравшихся мужиков!

«Ну, и как это понимать?!» — прошипела моя гневливость.

«Сейчас, я, кажется, буду кого-то жестоко карать!» — вторила ей жестокость.

Моя рука с угрожающего размера акриловыми ногтями целилась расцарапать лицо притащившему меня на этот сабантуй уроду.

— Успокойся, сейчас я тебе все объясню. Авриэльт! Д'ирхен! Заканчивайте пить, мы с Дарьей прибыли, — глядя

в мое полыхающее злобой лицо, испуганно пролепетал мой провожатый.

— Жалкая попытка перевести стрелки, да, Сосискин? — вздернув нос, поинтересовалось мое оскорбленное самолюбие.

— Ага, сразу видно дилетант, — подтвердил пес.

После этой фразы я, мозг и все мерзкие части моего характера упали в обморок.

Пришла я в себя от приглушенных мужских голосов и жизнерадостного чавканья, раздававшегося практически над ухом. Рывком сев, я орлиным взором окинула место предполагаемого боя. В поле зрения сразу попал счастливый Сосискин, по самые уши зарывшийся в королевского размера таз с едой. А пресловутая троица увлеченно переругивалась за низкорослым кустиком метрах в пяти от меня. Решив пока повременить с трио бандуристов, я вперила свой гневный взор в своевременно закончившего поглощать калории пса.

— Ну и с каких это пор мы разговариваем? Что ж мы раньше молчали, стеснялись демонстрировать свои таланты? — спросила язвительность.

Пес виновато потупился.

— Мы бы сейчас с вами, ошибка Павлова, по всему миру гастролировали, валюту бы зарабатывали. И трескали бы вы, ваше обжорство, не соевые сосиски, а пармскую ветчину да баварские окорока.

— Понимаешь, Дашк, я сам не знал, что умею по-человечески разговаривать, и, после того как впервые заговорил, тоже свалился в обморок. — Сосискин смотрел на меня глазами сиротки Хаси, но всю картину раскаяния портило выражение сытости на хитрой морде и непомерно раздувшееся пузо.

— Угу, ага, и поэтому, пришедши в себя, ты сразу затребовал таз жратвы? — Я была неумолима.

— Ты же понимаешь, Даша, после случая с лисой у меня расстроенные нервы, депрессия, и только несчастный кусочек колбаски может привести меня в бодрое расположение духа, — завиял хвостом Сосискин.

— Тоже мне симулянт на призывной комиссии, — презрительно фыркнула я.

— Как думаешь, мне это все снится или по-настоящему? — вылезло вперед желание докопаться до сути.

— С точки зрения трезвого рассудка, где ты видела говорящих псов? — тоном психиатра поинтересовался мой гладкошерстный друг. — Прости, подруга (обращение), но на таких, как ты, такие вот девичьи грезы в дорогостоящих прикидах никогда не обращают внимания, — добила меня трезвая оценка моих внешних данных.

— Камень прям с души сняли, утешители, блин, а то сама не знаю, как сейчас непрезентабельно выгляжу, — моментально огрызнулась в ответ я.

Тем временем троица, закончив переругиваться, строевым шагом направилась в мою сторону.

«А хороши стервецы, любуйся, дурочка, пока есть возможность», — подало голос либидо.

Полюбоваться действительно было на что. Если уж мачо в единичном экземпляре произвел на меня неизгладимое впечатление, то что говорить о тройном размере мужественности, сексуальности, брутальности и прочих «ностей», волнами расходившихся от направлявшихся ко мне парней?

— Прикольный расклад: брюнет с синими глазами, блондин с зелеными и светло-рыжий с практически черными. Как раз твои любимые сочетания, — закатился в смехе обожравшийся до метеоризма Сосискин.

«Ну что, отбросим пуританство и воплотим в реальность мечты?» — потеряли ручки эротические фантазии.

Но я отмахнулась от этих заманчивых перспектив, в упор смотря на вплотную приблизившихся казанов.

— Позволь тебе представить моих друзей: Авриэльт, — кивок в сторону рыжего, — Д'ирхен, — следующий кивок был адресован блондину. — Совсем забыл с этой суматохой представиться, Никэл, — закончил китайскую церемонию брюнет.

— Мы демиурги девяти миров, — хором пропели разбиватели сердец и крепких семей.

— Царь, очень приятно, царь, — кивала я наподобие болванчика. — И как это я, убогая, сразу не догадалась, что вы небожители, а не банальные олигархи-алкаши? Значит, так, яхонтовые мои, имена я ваши средю не запомню, и поэтому ты будешь Ник, ты — Абрам, а ты — Димон. Всем все ясно? — Пока я говорила, мой палец нахально тыкал в грудь каждого из трех богатырей.

Троица застыла соляными столпами под залиvistый собачий лай, подозрительно напоминающий хохот гиены.

— Ой, не могу, мужики, не повезло вам, она пришла в себя и сейчас будет всем хамить и строить вас на подоконнике, — катался по травке, смешно болтая мясистыми лапами, распоясавшийся вконец хвостатый предатель. — Лучше налейте ей сто грамм боевых, для снятия стресса, и обеспечьте никотином, пока она не начала тут все крушить.

— Да-да, конечно, ты, наверное, напугана, и это твоя естественная реакция на обстановку... — не переставая кудахтать, сокрушался Ник, доставая из-под стола початую посудину, рюмки, банку огурцов, тарелку с колбасой и пачку сигарет.

— Перестань делать меня лучше, чем я есть на самом деле! И объясните мне наконец, что за чертовщина происходит?! — рывкнула я на пытавшегося проявить гостеприимство Ника.

— Понимаешь, Дарья, мы действительно демиурги девяти миров, все это тебе не снится, и мы пригласили тебя к нам, потому что вчера мы непроизвольно слышали твои мысли о параллельных мирах, — лекторским тоном проговорил отмерший Абрам.

Я взглянула в его глаза, из которых на меня вдруг посмотрела вечность, налила себе из графинчика, лихо тяпнула рюмку, налила вторую, выпила ее уже не спеша и жадно затаилась прикуренной мне Димоном сигаретой.

— Здравствуйте, ...опа, новый год, — проскулил Сосискин. — Довыпендривалась, доехидничалась. Ну и как я тут размножаться буду. Тут же в округе ни одной сучки не фланирует! — Пес всегда стоял на страже своих интересов к дамскому полу. — И где ты тут найдешь мой любимый корм и свежие сосиски? А антиблошиный шампунь, а ошейничек

против клещей, а плановые прививки?! — горестно повалился на изумрудную траву тот, кто ненавидел мыться, а в ветеринарной клинике завывал так, что некоторым врачам приходилось вызывать неотложку.

— Не переживай, Сосискин, если мы с тобой попали в параллельный мир, то нам с тобой скоро будет не до всех этих милых твоему трусливому сердцу глупостей. — Я пыталась задушить нарождающуюся истерику своего пекущегося о здоровье друга.

— Это почему? — не на шутку перепугался резко начавший пещься о своем здоровье и гигиене пес.

— Да потому, что тебя там, как особо упитанного, сразу схарчит какой-нибудь жуткий монстр, а меня всенепременно сначала утопят, потом колесуют и, чтоб уж наверняка умертвить без права возрождения в теле лягушки, сожгут на костре как злобную ведьму, — щедрой рукой отмерило ему радостей жизни мое злорадство.

По окончании этой тирады Сосискин закатил глаза и отбыл в очередной обморок.

— Ладно, добры молодцы, пока этот товарищ валяется в беспамятстве, предлагаю выпить и обсудить все по трезвости. — Я сделала приглашающий жест к столу. А что, мне не жалко, графинчик с закусью все равно не мои были, да и разговор пока не клеился. — Абраша, разливай, — вальяжно махнула рукой я.

Абрам споткнулся, Ник поперхнулся, а Димон подозрительно закашлялся. Пока парни были временно нетрудоспособны, я сноровисто разлила разряжающую обстановку влагу, провозгласив «За знакомство!», и внедрила в себя огненную воду.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — бодро гаркнула я, и за этим последовал очередной заход по рюмкам. Парни в полном обалдении следовали моему пагубному примеру. Не подумайте, что я какая-нибудь синявка привокзальная или там бомжиха со стажем, просто на трезвую голову рассуждать о всяких там девяти или девяносто девяти мирах я была не в состоянии.

«Прекрати убивать мои нервные клетки!» — истерично вопил мозг, но мне уже было все параллельно.

Алкоголь попал в кровь, и я наконец-то была готова к конструктивной беседе. Откинувшись на спинку стула, я благожелательно улыбнулась Абраму и изрекла:

— Абраша, корад, что ты там вещал про миры?

— И продолжи, наконец, свои объяснения на тему моей скромной персоны! — сблагодущничала моя внезапно начавшая хмелеть персона.

Димон в очередной раз закашлялся, но Абрам, видимо, тоже получил свою дозу расслабления и поэтому относительно спокойно попытался возобновить прервавшуюся лекцию:

— Вчера мы встретились после долгой разлуки... — начал он фразу.

— ...И решили это дело вспрыснуть, — закончила за него я. — Как же, понимаем, классика жанра, жены с детьми на дачах, бутылка на троих и сырок «Дружба» на закуску.

— Даша, не перебивай, так ты никогда ничего не узнаешь! — одернул меня Ник.

— Так вот, мы решили собраться на нейтральной территории, — укоризненно смотря на меня, продолжил Абрам. — Местом встречи мы выбрали как раз твой родной мир.

— А чем это вам так понравился мой мир? — Я испытующее вперила свой взор в неожиданных собутыльников и поближе подтянула к себе водку.

«Все, Остапа понесло», — констатировала скромность и сделала вид, что мы с ней не знакомы.

— Ну, в твоём мире пишется столько юмористических историй про другие миры, и только у вас делают такие замечательные по своей крепости напитки, — убито признался Димон.

— Ой! Не могу! Держите меня семеро! А как же знаменитое ароматное эльфийское? — пьяненько захихикало недоверие.

— Приторная гадость, — с убийственной честностью констатировал Ник.

— А гномий самогон?

— Слабоват, — уныло признался Димон.

— Ну, а разжигающий боевой дух орков эль?

— Слабогазированный квас против «Балтики-девятки», — тоскливо вздохнул Абрам.

— Да вы, ребята, как я погляжу, большие любители алкоголя, — голосом Геннадия Малахова подвел итог их признаниям иногда просыпающийся во мне здоровый образ жизни.

В ответ на мои слова ребята покраснели, а мне снова захотелось выпить.

— Так, Димон, ты назначаешься банкующим: тостовать! Так уж и быть, будет у нас непьющий Сосискин, а то культурное мероприятие превратится в бытовую пьянку.

— Ну, за величайшее изобретение Менделеева! — провозгласил раздувшийся уже от гордости вынужденный трезвенник.

— Я продолжу, с твоего позволения? — зачем-то уточнил у меня Абрам.

Наверное, думал, что я уже забыла, зачем мы тут собрались. Ха, наивный чукотский потомок первого оленевода, при желании я могла выпить довольно большое количество водки, и при этом мой язык не заплетался, мозг не терял контроль над телом, а печень моментально разлагала алкоголь, но в эту интересную особенность своего организма я никогда никого не посвящала. Зачем давать людям еще один повод для зависти? Только вот в этот раз хмель непривычно быстро начал гулять по крови, о чем меня честно предупредил весь организм, но я беспечно отмахнулась.

Дождавшись утвердительного кивка, Абрам продолжил:

— Отметив встречу и поделившись последними новостями, мы уже собирались покинуть твой гостеприимный мир, как вдруг мы, все трое, уловили твои мысли. Поверь, уже давно нас никто так не веселил. В последний раз это случилось, когда отправили одного вашего писателя в один из созданных нами миров.

— Вы его хоть назад-то вернули, весельчаки, блин? — пьяненько хихинуло любопытство.

— Конечно, вернули, он потом написал замечательную книжку, которую ты так любила в детстве, — успокоил меня Димон.

Тут в моей голове сформировалось смутное подозрение, и, возвысив голос, я поинтересовалась:

— Так, а трое придурков, певших под моими окнами, были случайно не вы?

Сосискин, услышав мой рык, попытался залезть под стол, но, как всегда, застрял и тихонько начал подвывать от ужаса, а в наступившей тишине отчетливо послышалось мое гневное сопение.

— Мы, — покаяться небожители.

— Господи! Демиурги, распивающие на лавочке бухло и поющие русские народные песни! Кому сказать — не поверит, — присвистнуло удивление. — Ладно, вернемся к нашим баранам. — Мой указующий перст уткнулся в сторону заметно побледневшего Абрама. — Я уже поняла, что вас привлекла моя нетривиальная личность, подслушанные вами мои обывательские мыслишки, но зачем было меня сюда вытаскивать?

— Даша, ты лучше выпей, потому что продолжение тебе явно не понравится, — почему-то прошептал Ник.

— Не фигу девушку спаивать, а то она напьется, расслабится — и вы ей сообщите, что она выпала с балкона, — прям зашла в негодование я.

— Что ты! Ты жива и вполне здорова. Просто мы решили отправить тебя в путешествие в один из наших миров и посмотреть, как ты будешь избегать канонов фэнтези, — замахал руками, как ветряная мельница, Абраша.

— Мери-Сью решили из меня сделать? — Я злобно зашипела и стала озираться в поисках колюще-режущих предметов. — Поубиваю, как Лукашенко демократию! Порву на пазлы! Заставлю сожрать все собрание сочинений Дарьи Донцовой на голодный желудок и без заправки! — Проорав жизнеутверждающие обещания, я ринулась на опешивших демиургов.

Гонка вокруг беседки продолжалась минут двадцать. За это время Сосискин успел вылезти из-под стола, прогуляться по нему, опрокинуть банку огурцов и уснуть от обжорства. Когда я практически достигла Димона и протянула руку, чтобы схватить его за волосы, меня вдруг кто-то обхватил сзади.

— Прекрати вести себя как истеричка и подумай об открывающихся тебе перспективах!

По голосу я опознала Ника, но чисто из вредности продолжала тянуть руки к удаляющейся от меня шевелюре, грозно вопя:

— Какие, к черту, перспективы? Быть вам троим штатным клоуном или наладить в подведомственном вам миреке самогонование?!

— Нет, увидеть действительно другой мир и познакомиться с его жителями, — голосом змея-искусителя прошептал Ник мне в затылок. — Сама подумай, где ты еще сможешь увидеть то, о чем ты так много читала и на что мечтала хоть одним глазком взглянуть?

Он продолжал нашептывать мне на ухо о заманчивых картинках неведомых далей, а я стояла и думала: а почему, собственно, и не посмотреть, да еще и на халяву, что-то действительно необычное? Устроить себе отпуск не в какой-нибудь русифицированной Турции, а в настоящей сказке? Но, из чистой вредности, я решила просто так не сдаваться и выторговать себе как можно больше преференций.

— Ник, можешь меня отпустить и проследовать за мной за стол переговоров. — Гордо задрал нос, я вошла в пресловутую беседку. Через пару минут села за стол и стала в упор разглядывать расположившихся напротив меня визави. Так и хотелось поправить на переносице пенсне, направить им в глаза лампу и вытрясти из них правду. Сделав зверское лицо, я начала колоть демиургов.

— Так, господа, а теперь внятно, четко и без вранья расскажите мне, в чем заключается подвох, и что я поимею с этой экспедиции. Иначе наше сотрудничество закончится, так и не успев начаться.

«Можешь, мать, взять быка за яй... ой, за рога», — восхитился вышедший из подполья мозг.

— Никакого подвоха нет, просто нам хочется понаблюдать за человеком, вырванным из привычной обстановки, а не следить за его приключениями по книжкам, — подозрительно отводя кристально честные глаза, начали лопотать подозреваемые.

Ох, мужики-мужики, вам хренова туча лет, вроде как творцы миров, а врать женщинам до сих пор не научились. Ни одна из нас, прошедшая суровую школу жизни, никогда не поверит, что мужчина ей может предложить что-то просто так. Мы все давно прекрасно знаем и про сыр, и про то, что залезть на елку, не повредив задницу, еще никому не удавалось. Поэтому сделаю вид, что я вам поверила, а сама буду думать о запасных аэродромах и путях отступления через огороды.

— А много вас, тварюг миров? — хищно осклабилась я прямо в их божественные лица.

— Хватает, — попытался увильнуть от ответа Димон.

Но этот ответ меня абсолютно не удовлетворил, потому как меня терзали смутные сомнения, что мою личность банально подписывают под участие в реалити-шоу «Последняя дура Вселенной». Я продолжала сверлить Димона взглядом на манер дрели.

— Больше тысячи, — наконец-то сдался этот крепкий орешек.

— Ну и сколько процентов поставят на меня? — уточнила я, лениво прищурившись.

— Как ты догадалась? — потрясено выдохнули все трое.

— Элементарно. Детишки, слишком уж у вас глазки бегали, а у Абрашки губки шевелились, не иначе как барыши уже подсчитывал! — Я открыто смеялась.

— Ну что, господа, обсудим условия игры? Составим контракт и уточним размер гонорара моей хозяйки? — вставил свои пять копеек Сосискин.

Вот за что я уважаю своего пса, так это за то, что он всегда определяет, кто может ему потихоньку дать кусочек со стола, и за то, что он моментально оценивает выгоды в любой ситуации. Сдается мне, в его роду помимо чистокровных так затесалась все же какая-то прожженная дворняга.

Ну а дальше началось веселье: мы, с пеной у рта и со стопкой в руке, спорили, в какой мир меня лучше отправить, что я могу взять из снаряжения, кто мне будет помогать, а кто вредить, сколько по времени будет продолжаться моя миссия, и т. д. и т. п. Наверное, мои печень и мозг все-таки взяли выходной, потому что в результате дебатов

мне не досталось никаких магических сил и способностей, кроме как способностей к языкам и знания лечебных трав. Мир был определен как самый обычный: с эльфами, гномами и прочими фэнтезийными персонажами, а миссия заключалась, естественно, в его спасении от какого-то злодея со скамейки запасных, да еще в качестве обузы мне был навязан не поддающийся никаким диетам пес. Единственное, что меня радовало, это размер гонорара в виде экзотического острова в Карибском море, неприлично большого счета в швейцарском банке и возможность посещать, когда мне захочется, любой из девяти миров. Как только все вопросы были согласованы, мне подсунили на подпись какой-то свиток, а Ник потребовал у меня свое кольцо. Ох, как тяжело мне далось расставание с этим колечком! Наверное, Ярославна меньше пролила слез над погибшими воинами, чем я, пока стаскивала его со своей руки.

— Ты что, дал ей свое кольцо творца? — выдохнул Димон

— Дал, иначе она ни в какую не соглашалась со мной пойти, а ты же знаешь, по условиям игры, участник должен последовать за мной добровольно, — прошептал Ник, думая, что я его не услышу.

Я быстро кинула взгляд сначала на руку Димона, а потом на культияпку Абрашки. На руке первого вдруг проявилась печатка в виде колоды карт, а на руке второго закрутилось миниатюрное колесо рулетки.

«Дура, проворонила такие перспективы!» — зарыдала в голос жадность.

«Цыц, сорока! Она могла натворить с этим колечком неизвестно что», — прикрикнул на нее здравый смысл.

— Ничего, ничего, моя брюнетистая зараза, я еще припомню тебе мой облом с колечком! Отольются тебе мои слезки! Дал на пять минут поносить и тут же отнял, жадина противная! — расстроено хлюпая еле слышно прошептала я себе под нос.

— Придет весна, увидим, кто где гадил, — поддержал меня Сосискин.

Конец застолья помню отдельными кадрами. Вот мне устраивают экскурсию в каждый из миров. Вот мелькнула передо мной борода какого-то субъекта, которую я держала

в своем кулаке. Вот замызганный кабак, в котором на балайке бренчит тягомотнейшую мелодию ролевик-менестрель, а я в него мечу пивную кружку. Вот я в пещере с горой золота и меня тошнит на лапу ящерице-переростку. Вот мы в моей квартире, и я, по мере своих пьяных сил, собираю походный рюкзак, а Сосискин сверху укладывает свою подстилку. И наконец-то благословенная темнота...

Глава третья

Проснулась я от ощущения жуткого сушняка и общего недомогания организма. Провалявшись еще немного в кровати и повздыхав, что возле меня не материализуется стакан с водой, я собрала всю волю в кулак и села.

— Б... — вырвалось из измученной жаждой глотки.

Картина, возникшая перед глазами, радовала своим сюрреализмом. Представьте себе песчаный берег с золотистым песком, на который неспешно накатывают синие волны моря. Представили? А теперь представьте, что на этом пляже находится диван, рядом с ним стоит любимое мамينو кресло, в котором на спине дрыхнет такса. Чуть дальше блестит зеркалами шкаф-купе и сиротливо жмется туалетный столик. За низкой стенкой, представляющей собой барную стойку, не пойми на чем держащиеся, как Брестская крепость, стоят кухонная мебель и холодильник. Завершающим аккордом выступают отгороженная китайской ширмой душевая кабина, джакузи и раковина. И все эти предметы находятся внутри огромного шатра. У линии прибора мой похмельный взор обрадовали кресло-качалка, с накинутым на него клетчатым пледом и стеклянный столик на колесиках с нехилым набором бутылок. Метрах в десяти от кресла-качалки и импровизированного бара мой измученный мозг веселили: пластиковая мебель с торчащим из стола зонтом с надписью «Старый мельник», мангал, холодильник с напитками и огромный холодильник-прилавок со всякими овощами-фруктами и синенькая кабинка. Сдается мне, данная инсталляция знаменует собой приход чего-то белого и горячего.

— Никак очнулась? А еще говорят, что сны алкоголиков тревожны и непродолжительны, — раздался голос со стороны кресла.

Я испуганно оглянулась и уставилась на укоризненно смотрящего пса.

— Только давай без истерик, — произнес он и отправился неспешной трусцой по направлению к холодильнику.

Все, допилась. Ждут меня суровые санитары, ледяной душ и врач-нарколог.

— Дашк, ну чего застыла. Иди меня кормить! Сама ж знаешь, война войной, а обед по расписанию, — проскулил вечно голодный пес.

Едва переставляя ноги, я доковыляла до холодильника и достала батон колбасы. Ситуация уже не так меня пугала. В конце концов, нам, сильно пьющим и поймавшим «белочку», удивляться нечему: подумаешь, говорящий пес и работающие на берегу моря холодильники. Все даже не так плохо. По крайней мере, зеленые черти не мерещатся.

— Дашка, ну давай иди уже умывайся, и будем завтракать. Или тебе кусок в горло не лезет?

— С таксами-глюками не спорят, да и умыться не помещает. — Сама себя уговаривая, я прошмурыгала к раковине, попутно включив чайник. Такой мелочью, как идущая не пойми откуда вода, меня уже было не пронять. Через пять минут я уже сидела за столом и пила кофе. Происходящее было настолько реалистично, что я начала сомневаться в своей ненормальности и мне жутко захотелось понять, что произошло. Как там говорил классик: «Будем ждать проблесков памяти или сведений со стороны». После принятия порции кофеина и последовавшей за ней затяжки (что ни говори, а кофе и сигареты весьма стимулируют работу мозга) я начала вспоминать вчерашнюю ночь. Картина бесчинств с тремя убийственно красивыми мужиками убедила меня в том, что происходящее не приснилось и на море каким-то образом оказались часть моей квартиры и другие вещи. Но, хоть убейте меня, каким образом все это здесь оказалась, было тайной, покрытой мраком. Я же помню, как собирала рюкзак и причиндалы собаки, а теперь вместо

сиротской котомочки я вижу практически дом родной. Надо было как-то попытаться заполнить провалы в памяти.

— Сосискин, давай я лягу в этот чудесный тазик с пузырьками, налью себе шампанского, стоящего в холодильнике с Нового года, буду предаваться релаксации, а ты мне расскажешь то, чего я не помню?

— Ветчину! Или я буду молчать как рыба об лед! — нахально твякнул коротконогий вымогатель.

— Черт с тобой, мой невоздержанный дружок, будет тебе и ветчина, и колбаса, и какава с повидлой, тока, ради бога, объясни мне, что тут делает вся эта мебель!!!

Закончив орать, я достала псу ветчину, а себе бутылку шампанского и, сев в джакузи, приготовилась внимать откровениям очевидца событий. Пока наливалась вода, открывалась шипучка, снимался пижамный костюмчик, пес закончил поглощать ветчину и наконец-то приступил к рассказу. По ходу повествования мои и без того торчащие волосы становились дыбом. Оказывается, идея собрать в поход мой туристический сидор погибла примерно через две минуты после начала сборов. Заявив, что я сама не знаю, что мне потребуется в походе, угрожая физической расправой, заставила Димона перенести в этот мир все свои вещи.

— Сосискин, я понимаю про шкаф — там мои шмотки. Но на хрена я кухню со всеми причиндалами притащила? — растерянно пролепетали в ответ на это мои непонятки.

— Да все просто, подруга, ты заявила, что утром я проснусь в незнакомой обстановке, перепугаюсь того, куда делся мой родной холодильник, и у твоего любимца может быть шок. Короче, ты наотрез отказалась куда-то идти без чашки кофе и не покормив меня, — поспешила меня утешить ушастая зараза.

— Пьяная, пьяная, а о тебе, мой низкорослый друг, не забыла. Цени, как тебя хозяйка любит. — Я повыше задрала нос и хлебнула газировки на дрожжах.

— Ха, не забыла, — начал возмущаться пес. — Да у тебя мышь в холодильнике повесилась. Если бы я не настоял на походе в магазин, то сейчас бы с голоду умер.

Я нервно икнула.

— Мы что, вчера еще ходили в магазин?

— Не-а, ты в этот момент шепталась с фарфоровым другом, а мы с мужиками совершили налет на соседний супермаркет, — лениво протянул пес.

Я представила трех пьяных мужиков и одну таксу, в масках и с оружием грабящих магазин, и пришла в ужас.

— Сосискин, ты что, тоже участвовал в налете? — осторожно уточнило мое нежелание светиться перед правоохранительными органами.

— Что я, дурак так палиться? Меня каждый в нашем районе знает. Я на шухере стоял, — успокоил меня начинающий налетчик.

Уже легче. Я не скрывала облегчения. Таскать передачи в собачью тюрьму мне совершенно не хотелось. Хотя у нас таких тюрем нет. Но знать о том, что твоя собака встала на скользкий путь преступника, тоже не слишком сладко.

— Ладно, с этим понятно. А на фига ты припер мамино кресло? Она ж нас кончит за него!

— Здрасьте, приехали! Я припер? Ты посмотри на мои лапки! Что они могут припереть? Это ты, мать, его лично тащила и приговаривала, что мне пора приучаться спать одному, терпеть тяготы и лишения в пути, — обижено сказал пес и скорчил слезливую морду.

— Хм, ну вообще-то тебе правда пора спать одному, ты уже взрослый кобель.

— Аха! А если мне приснится та ужасная лиса? Совести у тебя нет. Злая ты, Дашка. Не буду я тебе ничего рассказывать даже за кусок докторской колбасы, — вконец разобиделся Сосискин.

Пришлось начать подлизываться и пообещать, что после ванной я всенепременно скормлю этому вымогателю триста граммов варенки. Когда мир был восстановлен, я поинтересовалась:

— Откуда взялся этот роскошный банный комплекс? Вроде ванная комната у нас самая обычная и в супермаркете за углом вроде как таким добром не торгуют. Ты что, еще участвовал в ограблении магазин, торгующего сантехникой?

— Не-а, — засмеялся пес. — Мадам Козьявкина, вы все

это богатство лично отбирали в каком-то дорогом бутике по сантехнике.

Приплыли. По ходу пьесы, это теперь моя семья и пес будут носить мне передачи в тюрьму. В общем, зона теперь мой дом родной.

— Да не парься ты, — глядя на мое убитое лицо, утешил меня пес. — Магазин был в Италии, так что если сядешь, то в заграничную тюрьму, а если покаешься, то пару лет тебе скостят, — вовсе уже издевался Сосискин.

— Черт с ней, с Италией. Откуда здесь кресло-качалка с дачи и эта синяя будочка? Я что, вчера появилась в таком виде перед родителями на даче? И вообще с какой стати мне захотелось кресло-качалку?

— Все, мать, отныне ты в глухой завязке. Какие родители, когда это я летом оставался с тобой в городе, вместо того чтобы наслаждаться жизнью на природе? — театрально запричитал актер погорелых провинциальных подмошков.

Опа, у Сосискина началось очередное сольное выступление. Теперь, чувствую, одной докторской не обойдешься. Сдается мне, сейчас начнется заход на тему куриного фарша.

— Вспоминай, пьянь несчастная, где твои родители? — завизжал он и тем самым подтвердил мои самые худшие подозрения.

Для усиления мыслительного процесса я налила себе еще шампанского и после пары глотков вспомнила, что неделю назад предки свалили на месяц к друзьям в Испанию. От осознания того, что я не упала в грязь лицом перед родками, сразу стало спокойно, а может, шампусик на душу хорошо упал. Попререкавшись с псом пару минут, я выяснила, что, увидев море, мне захотелось воплотить свою давнюю мечту, в которой фигурировали кресло-качалка, плед, шотландское пойло и трубка. Интересно, откуда мог всплыть такой декаданс? Вопрос, как говорится, риторический.

Далее мой пес во всех красках расписал похищение си-ней кабинки с участка председателя садоводческого кооператива. Видимо я, как и все дачники, на генетическом уровне ненавижу всех председателей кооперативов, потому что лично мне наш глава садоводов ничего плохого не сделал и

воровать у него абсолютно ни разу не использованную кабинку было верхом цинизма.

— Не сокрушайся ты так, Абраша сказал, что председатель сам спер эту кабинку со стройки, где он работает начальником охраны, — утешил меня Сосискин.

— Столик, стулья, холодильник и мангал — это соседнее кафе? — на всякий случай уточнила я.

Пес подтвердил кивком.

— А лоток с фруктами — это все тот же супермаркет, — предупреждая мои вопросы, добавил он.

— Ну, в общем-то, ничего страшного не произошло, пострадавших от нашей экспроприации не так уж и много, да? — заискивающе глядя в его глаза, залепетала моя совесть.

— Не совсем, — ответил Сосискин и почему-то начал пятиться от меня. — Ты только, Даш, не волнуйся... Вон шампанского глотни, — засуетился пес.

Но дрожжи упали на старые дрожжи, и поэтому мне уже было все равно.

— Ладно, давай колись, что мы еще вчера натворили?!

— Да ничего! Вы просто сюда притащили весь аквапарк с турецкого курорта и казино из индейской резервации, — рубанул сплеча правду-матку пес.

— Врешь? — Я с надеждой посмотрела на сжавшегося друга.

Он виновато покачал головой.

— Где эти, где эти... аквапарк и казино? — Я смогла выдать из себя только хрип.

— Как выйдешь из шатра, метров пятьсот дальше по пляжу, — пролепетал Сосискин.

— Отвернись! — рывкнула на пса я, рывком встала из джакузи, запахнулась в полотенце и пулей вылетела из шатра.

Пролетев как метеор по берегу, я с разбегу села на пятую точку. Сосискин не врал, а пострадавшая задница услужливо напомнила мне все водяные горки, которые она прочувствовала несколько лет назад. Передо мной находился парк водных аттракционов, стоявший ранее в Анталии. В мое плечо уткнулся влажный нос.

— Ну ладно тебе! Ну подумаешь, захотелось тебе поката-

ться на горках. Ну не казни ты себя так, — жалобно скулил мой друг.

Я тяжело вздохнула.

— А казино-то мы зачем уперли, да к тому же и у индейцев? Не могли из Лас-Вегаса ничего стоящего упереть?

— Могли, но ты сказала, что там все слишком большое и это будет портить тебе вид, — еще тяжелее вздохнул Сосискин.

— Вот и сбудется еще одна моя мечта: я наконец-то побываю в настоящем американском казино. Жаль только, за ее исполнение мне дадут пожизненный срок, — сфальшивила я.

— Да не переживай ты так, Дашка! Ребята сказали, что вернут все так, что никто ничего не заметит, — глядя на меня кинулся утешать меня друг.

— Никто ничего не заметит?

— Никто.

— Ха, жизнь-то налаживается, мой толстопузый дружок! — Я, радостно пропев, вскочила и полетела назад в шатер.

Распахнув шкаф-купе, я начала увлеченно рыться в его недрах в поисках купальника.

— Сосискин, ты только представь, какие перед нами открываются перспективы: у нас с тобой (заметь, на дармовщинку) есть и аквапарк, и свое казино! Правда, не знаю, зачем оно мне, я вроде как не азартная, — вешала я, выкидывая на пол вещи.

«Жаль только, на банане и на водном скутере никто не прокатит», — уныло констатировало желание покрасоваться фигурой, но его нытье заглушила фраза, пролившая балзам на мою совесть:

— А казино не ты захотела, а мужики, так что не казни себя.

— Во, тем более не наш косяк, так что релакс, мой юный друг. — Насвистывая, я заставила свою совесть окончательно заткнуться.

Наконец купальник был найден, надет — и я стала любоваться отражением в зеркале. По большому счету, любоваться было нечем. Синюшный цвет тела мало гармонировал

с окружающей обстановкой. Ничего, через пару дней тушка приобретет ровный южный загар, организм насытится озоном и витаминами — и тогда, может быть, я отправлюсь в дальнейшее путешествие, если, конечно, захочу. Где это четко прописано, что именно я должна искать главного поддонка, а не этот засранец должен прийти ко мне? На всякий случай надо уточнить у Сосискина, куда я дела вчерашнюю кабальную расписку. Остался только один вопрос:

— Скажи мне, герр такса, на кой черт я приперла кактус, что стоял у компьютера? — Я кивнула на спинку дивана, на которой торчала колючка.

— Ну, ты заявила, что еще не знаешь, какая радиологическая обстановка в этом мире, а кактусы, как известно, глушат всякие там негативные волны, вот ты его и принесла. И вообще хватит уже дурацких вопросов! Пойдем лучше на море, — нетерпеливо протывкал Сосискин.

Остаток дня мы провели с пользой: я купалась, загорала, ела фрукты, каталась с горок, гонялась за Сосискиным по пляжу, жарила шашлыки, пила пиво. А вечер... Вечер я провела так, как, видимо, давно мечтала: сидела в кресле-качалке, укутавшись в плед, попивала виски, покуривала трубку и смотрела на закат.

Глава четвертая

Время летело незаметно. Целыми днями мы с Сосискиным вели роскошную жизнь бездельников. Плавали в море, валялись на песочке и не разрушали себе мозг мыслями о предстоящем походе за мир во всем писе. Я выводила токсины из организма, а обнаглевший в конец пес потреблял исключительно мясо, приготовленное на мангале. По вечерам мы с ним гордо шествовали в казино, где я играла в однорукого бандита и сама с собой в рулетку, а он шнырял под всеми столами в поисках чего-нибудь интересного лично для него. По ночам я садилась в кресло-качалку, брала пса на колени, и мы любовались незнакомыми звездами и лунными дорожками от трех лун, светивших в небе. К исходу второй недели курортного времяпрепровождения я плеска-

лась в море на надувном матрасе и лениво терзала себя вопросом: «Побрить мне ноги или нет?», а Сосискин валялся где-то на песке. Вдруг мое уединение было нарушено мерзким кашлем, раздавшимся с берега. Попец сразу почувствовал неприятности, а я тоскливо подумала о том, что наверняка явился обладатель этого куска рая и сейчас с ходу начнет кидать в лицо всяческие претензии по поводу самовольной застройки. К несчастью, вместо одного хозяина, на берегу, грозно сверкая очами, материализовалась картина «Три богатыря» в виде троицы разъяренных мужиков. Черт, день так хорошо начинался. И надо же было такому случиться, что прибыли эти три поросенка. Нет, все-таки есть что-то свинское в мужиках, вот так припереться неожиданно и все испортить! Прятать голову в песок от неприятностей я была не приучена, поэтому быстро подгробла к берегу и выжидательно уставилась на демиургов.

— Ну и как это понимать?! — раздувая ноздри, прошипел Абраша.

«Ого, а голосок-то прям как у Каа, — захихикала моя стервозность. — Сейчас, поди, зашипит: «Вы слышите меня бандерлоги?»

— В смысле? — Я попыталась сделать невинные глаза.

— Мы тебя зачем сюда отправили? — начал подпевать Абрашке Димон.

— Ну, вроде как на партздание. Вот по мере сил и способностей мы с моим отважным другом, готовимся к нему, — автоматом включилась дурочка.

— Можно поинтересоваться как? Путем поедания сосисок и распития пива на морском берегу? — включился в разборку Ник.

— Обидны ваши слова, гражданин начальник. Мы укрепляем мышцы длительными заплывами и утренними пробежками вдоль пляжа, — подоспел на помощь мне пес.

— Кстати, не хотите ли искупаться? А я пока шашлычка пожарю. Прям как сердцем чувствовала, что гости дорогие к обеду будут, вчера замариновала, — хлопая глазками, засуетилась моя гостеприимность.

— Ты что, издеваешься над нами?! — провыл Димон и потянул ручонки к моему горлу.